

Содержание

Виктор Гюго	
Из романа «Отверженные»	
<i>Книга третья</i>	
<i>Исполнение обещания, данного умершей</i>	
Перевод под редакцией Анатолия Виноградова	7

Чарльз Диккенс	
Сверчок за очагом	
<i>Сказка о семейном счастье</i>	
Перевод М. И. Клягиной-Кондратьевой.....	92

Ги де Мопассан	
Сочельник	
Перевод Александры Чеботаревской.....	250

Джером К. Джером	
Пирушка с привидениями	
Перевод М.А. Колпакчи.....	260

О. Генри	
Рождественский чулок Дика-Свистуна	
Перевод Е. Суриц	316

Рождественский подарок	
Перевод под редакцией Владимира Азова (1924)	344
Елка с сюрпризом	
Перевод Т. Озерской	354
С праздником!	
Перевод Владимира Азова (1923)	377
Дары волхвов	
Перевод Зиновия Львовского	395

Виктор Гюго
(1802–1885)

Из романа «Отверженные»
Книга третья
Исполнение обещания, данного умершей

I

Вопрос о водоснабжении
в Монфермейле

Монфермейль лежит между Ливри и Шеллем, на южной окраине возвышенного плато, отделяющего р. Урк от Марны. В наши времена это довольно большой пригород, украшенный круглый год дачами, а по воскресным дням наполненный веселыми буржуа. В 1823 году в Монфермейле не было ни такого количества белых домиков, ни такого множества довольных буржуа: это была простая деревушка среди леса. Изредка попадались там кое-какие виллы минувшего столетия, отличающиеся своим чопорным видом, своими балконами с чугунными

перилами, своими продолговатыми окнами, мелкие стекла которых образуют на белом фоне закрытых ставень разнообразные зеленые оттенки. Но Монфермейль тем не менее оставался селением. Суконщики, удалившиеся от дел, адвокаты на отдыхе еще не успели наводнить его. То был тихий прелестный уголок, вдали от больших дорог; там жилось дешево мирной деревенской жизнью, столь привольной и легкой. Только в воде чувствовался недостаток, по причине возвышенности плато.

Приходилось доставлять ее издалека. Часть селения, обращенная к Ганьи, брала воду из великолепных лесных прудов; другой край села вокруг церкви, обращенный к Шеллю, получал хорошую воду только из маленького родника близ Шелльской дороги, на расстоянии четверти часа пути от Монфермейля.

Хлопотливое было дело для каждой семьи запастись водой. Большие дома местной аристократии, к которым, между прочим, принадлежал трактир Тенардье, платили по лиару с ведра статистику, который занимался доставкой воды и зарабатывал своим предприятием водоснабжения приблизительно по восемь су в день; но старичок работал летом только до семи часов вечера, а зимой всего до пяти, и как только наступала ночь, как только запирались ставни, всякий,

у кого выходила вся вода для питья, должен был или идти за водой сам, или обходиться без нее.

То был предмет ужаса для бедного маленького существа, носившего имя Козетты. Козетта приносила пользу супругам Тенардье двумя способами: они тянули деньги с ее матери и заставляли ребенка прислуживать. Поэтому, когда деньги от матери совсем перестали поступать, Тенардье все-таки оставили у себя Козетту. Она заменяла им служанку; в качестве работницы она бегала за водой, когда появлялась необходимость. Девочка, страшась одной только мысли, что придется идти на родник ночью, всегда заботилась, чтобы в доме всегда была вода.

Рождество 1823 года было особенно блестящим в Монфермейле. Начало зимы было довольно мягкое; до сих пор морозы не наступили и снег не выпал. Труппа фокусников, прибывших из Парижа, получила от господина мэра разрешение соорудить балаганы на главной улице села, и несколько странствующих торговшей, пользуясь такой же снисходительностью, открыли лавочки на церковной площади до самого переулкa Буланже, где, как известно, находился трактир Тенардье. Это событие наполняло постоянные дворы и кабаки посетителями, придавало этому тихому уголку шумную веселую жизнь. Чтобы быть верными истории, мы

должны прибавить, что в числе диковинок, выставленных на площади, был зверинец, где отворотительные паяцы, обвешанные лохмотьями и появившиеся Бог весть откуда, показывали в 1823 году монфермейльским обывателям одного из страшных бразильских коршунов, экземпляр которого наш королевский музей приобрел лишь в 1845 году и у которого вместо глаза трехцветная кокарда. Естествоиспытатели называют эту птицу, кажется, «*caracara polyborus*»; она из породы хищников и из семейства коршунов. Некоторые завзятые бонапартистские солдаты, проживавшие в селе, ходили смотреть на ястреба с каким-то благоговением. Фокусники выдавали эту трехцветную кокарду за единственный в мире феномен, созданный Богом специально для их зверинца.

В Рождественский сочельник, вечером, несколько людей — извозчиков и торговцев — сидели и пили вокруг пяти-шести сальных свечек в общей комнате трактира Тенардье. Комната эта походила на все кабаки: несколько столов, оловянные кружки, бутылки, пьянство, дым от трубок; мало света, много шума, впрочем, там находилось еще два предмета, бывших тогда в моде у буржуазии: на столе в сторонке стояли калейдоскоп и жестяная лампа. Сама Тенардье наблюдала за ужином, который жарился на

ярком огне; муж Тенардые пил с посетителями и толковал о политике.

Кроме политических бесед, вращавшихся главным образом вокруг Испанской войны и герцога Ангулемского, слышалась смесь местных толков вроде следующих:

— Поблизости Нантера и Сюренна нынче благодать на вино. Где рассчитывали на десять, получили двенадцать бочек. Много дало сока.

— Должно быть, виноград не был зрелый?

— В тех краях его не собирают зрелым.

— Так, значит, винцо-то плохое?

— Еще хуже, чем в здешних местах.

Дальше говорил мельник:

— Разве мы можем ручаться, что в мешках? Мы находим в них кучу разной посторонней примеси, которую не можем же выбирать по зернышкам, и она тоже идет под жернова; тут и головолом, и медунка, и чернуха, и журавлиный горох, и конопля, и мало ли всякой дряни, не говоря уже о камушках, которых попадается множество, особенно в бретонском зерне. Я не охотник молоть бретонское зерно; судите сами, сколько это дает посторонней пыли. После этого еще жалуются на муку. Напрасно. Мука не из-за нас такая.

У простенка между окнами косарь сидел за столом с землевладельцем и занимался косить у него луг весной.